

Pokyny: přeložte do češtiny tučně označené části, soubor se svým překladem vložte do odevzdávacího do pátku 7.10.

ГУЗЕЛЬ ЯХИНА. "ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА"

Часть первая. МОКРАЯ КУРИЦА. ОДИН ДЕНЬ. (ЗУЛЕЙХА)

Сколько лет она замужем? Пятнадцать из своих тридцати? Это даже больше половины жизни, наверное. Нужно будет спросить у Муртазы, когда он будет в настроении, – пусть подсчитает.

За дверью пока – тихо. Ну же, Зулейха, мокрая курица, поторопись. Мокрой курицей – *жебегян тавык* – ее впервые назвала Упыриха. Зулейха не заметила, как через некоторое время и сама стала называть себя так.

– Муртаза-а-а!

Из снежного облака выступает большая темная фигура в малахае. Крепко ухватив жену за рукав, Муртаза волочет ее за собой через буран.

На сани сесть не разрешает – дров много, лошадь не выдюжит. Так и идут: Муртаза спереди, ведя Сандугач под уздцы, а Зулейха следом, держась за задок и еле перебирая заплетающимися ногами. В валенки набился снег, но вытряхивать нет сил. Сейчас нужно – успевать шагать. Переставлять ноги: правую, левую, правую, левую... Ну давай же, Зулейха, мокрая курица. Сама знаешь: если отстать от саней – тебе конец, Муртаза не заметит. Так и замерзнешь в лесу.

А все-таки какой он хороший человек – вернулся за ней. Мог бы и оставить там, в чаще, – кому какое дело, жива она или нет. Сказал бы: заблудилась в лесу, не нашел – через день никто бы про нее и не вспомнил...

Обычно на сундуках спят дети, а взрослым женщинам полагается небольшая часть сяке, отделенная от мужской половины плотной чыбылдык. Но пятнадцатилетняя Зулейха была такого маленького роста, когда пришла в дом Муртазы, что Упыриха в первый же день сказала, воткнув в невестку тогда еще яркие изжелта-карие глаза: «Эта маломерка и с сундука не свалится». И Зулейху поселили на большом старом сундуке, обитом жестяными пластинами и блестящими выпуклыми гвоздями. С тех пор она больше не росла – переселяться куда-то не было необходимости. А сяке полностью занял Муртаза.

Зулейха слышит шум – далекий, еле различимый, будто сквозь пуховую перину. Но нет сил оторвать глаза от потолка. Пусть Муртаза встанет и отворит. Не женское это дело – открывать двери по ночам.

Над Зулейхой склоняется широконосое лицо, порченное крупными оспинами. Председатель сельсовета – Мансурка-Репей. Держит керосинку у самого лица, и оттого круглые оспяные шрамы кажутся глубокими, как выеденными ложкой. Он деловито смотрит на Зулейху. Переводит взгляд на осунувшееся лицо Муртазы, озадаченно разглядывает черное запекшееся пятно на его груди, растерянно присвистывает.

– Мы, Зулейха, к мужу твоему пришли...

У рта Мансурки расцветает кудрявое морозное облачко. Он говорит по-русски с сильным акцентом, но бойко, складно. Лучше, чем Зулейха. Навострился с красноордынцами болтать.

– Вставай, разговор есть.

Зулейха не знает, сон это или явь. Если сон – почему свет так режет глаза? Если явь – почему звуки и запахи доносятся издалека, словно из подпола?

– Зулейха! – председатель трясет ее за плечо, сначала легонько, потом сильнее. – Вставай,

женщина! – громко и зло кричит наконец по-татарски.

Тело откликается на знакомые слова, как лошадь – на удар вожжей. Зулейха медленно опускает ноги на пол, садится на сяке.

– Ну вот, – Мансурка удовлетворенно переходит обратно на русский. – Товарищ уполномоченный, готово!

– Не привили еще социалистический быт, – извиняющимся тоном бормочет Мансурка, придерживая норовящие разъехаться в разные стороны сундуки. – Язычники – что с них возьмешь.

– Что это? – Зулейха медленно переводит взгляд на председателя. – Мансурка, это зачем?

– Сколько раз повторял: называть меня надо – товарищ председатель! Ясно? – Мансурка грозно приподнимает просвечивающий сквозь рыжеватую бороденку подбородок. – Учишь их новой жизни, учишь... Выселяем вас... – Он недовольно оглядывается на сяке, где темнеет могучее тело Муртазы. – ...Тебя. Как кулацкий элемент первой категории. Контрреволюционный актив. Партсобрание утвердило. – Мансурка тычет коротким пальцем в бумагу на сундуке. – А избу забираем под сельсовет.

– Ты словами новыми меня не путай. Скажи толком, товарищ Мансурка, – что случилось?

– Это ты мне скажи! Почему у твоего Муртазы собственность до сих пор не коллективная? Против власти идете, единоличники?! Язык отсох вас агитировать. Корова – почему не в колхозе?

– Нет коровы.

– А лошадь?! – Мансурка кивает за окно, где во дворе стоит не распряженная до сих пор Сандугач, под ногами у нее вьется жеребенок. – Две лошади.

– Так ведь наши.

– Наши... – передразнивает. – А мукомолка?

– Как же без нее в хозяйстве? Вспомни – сам сколько раз у нас одалживал.

– То-то и оно, – шурит и без того узкие глаза. – Сдача в аренду инструментов труда. Верный признак махрового, закоренелого, неисправимого кулака! – сжимает мелкую руку в злой жилистый кулак.

– На сборы – пять минут, – указывает Игнатов подбородком на Зулейху.

Зулейха падает на колени у сяке, припадает лбом к холодной и жесткой руке Муртазы. Муж мой, данный Всевышним, чтобы направлять, кормить и защищать, – что делать?

Готова в дорогу.

Останавливается у двери и окидывает взглядом разоренную избу. Нагие стены, неприкрытые окна, на грязном полу – пара затоптанных тастымал. Муртаза лежит на сяке, вперившись заостренной бородой в потолок. На Зулейху не смотрит. Прости меня, муж мой. Не по своей воле тебя покидаю.

Сани Зулейхи вливаются в длинный караван с другими раскулаченными. Поток течет по главной улице Юлбаша к околице. Конные с винтовками – с обеих сторон.

Часть вторая. КУДА? В ДОРОГУ. (ИГНАТОВ)

Игнатов никогда не был бабником. Статный, видный, идейный – женщины обычно сами приглядывались к нему, старались понравиться. Но он ни с кем сходитья не торопился и душой прикипать тоже. Всего-то и было у него этих баб за жизнь – стыдно признаться – по пальцам одной руки перечесть. Все как-то не до того. Записался в восемнадцатом в Красную армию – и поехал: сначала Гражданская, потом басмачей рубил в Средней Азии... До сих пор бы, наверное, по горам шашкой махал, если бы не Бакиев. Он к тому времени в Казани уже большим человеком стал, из долговязого рыжего Мишки превратился в степенного Тохтамыш

Мурадовича с солидным бритым черепом и золотым пенсне в нагрудном кармане. Он-то Игнатова и вернул в родную Татарию. Возвращаясь, говорит, Ваня, мне свои люди позарез нужны, без тебя – никак. Знал, хитрец, чем взять. Игнатов и купился – примчался домой выручать друга.

Игнатов не понимал, как можно любить женщину. Любить можно великие вещи: революцию, партию, свою страну. А женщину? Да как вообще можно одним и тем же словом выражать свое отношение к таким разным величинам – словно класть на две чаши весов какую-то бабу и Революцию? Глупость какая-то получается. Даже и Настасья – манкая, звонкая, но ведь все одно – баба. Побывать с ней ночь, две, от силы полгода, потешить свое мужское – и все, довольно. Какая уж это любовь. Так, чувства, костер эмоций. Горит – приятно, перегорит – сдунешь пепел и дальше живешь. Поэтому Игнатов не употреблял в речи слово *любить* – не осквернял.

Часть вторая. КУДА? КОФЕ. (ВОЛЬФ КАРЛОВИЧ)

Вольф Карлович энергичным взмахом посылает одеяло на пол, пальцы ног нащупывают гладкую прохладную кожу домашних туфель. Портьера, шурша, отлетает в сторону и открывает знакомый с детства вид. Эркер в три высоких окна – как огромный живой триптих, в котором вот уже много лет зеленеют, цветут, облетают, покрываются инеем и снова цветут, отражаясь в зеркале Черного озера, старые ветвистые липы.

Сейчас стекла покрыты тонкими морозными росписями. Январь, как сказал бы отец, посылая ежеутренний величественный взгляд за окно, словно по-дружески здороваясь с зимним месяцем.

Раньше это был кабинет отца, и маленькому Вольфу не разрешалось бывать в нем. Тайком он пробирался сюда и, забравшись за складки портьеры, расплющивал нос о холодное стекло – любовался озером.

Теперь здесь работает он сам. Даже спать предпочитает тут же, на жестком диване у старинного отцовского секретера. На столе приготовлены перо и бумага – хорошие мысли имеют обыкновение прилетать по ночам. Он уже и забыл, когда последний раз ночевал в спальне. Наверное, это было еще до начала ремонта.

Ремонтом заведовала Груня, как и всем, что происходило в старой профессорской квартире. Большая, шумная, коса вокруг головы – толщиной с руку, а сами руки – толщиной с ногу, Груня тяжелой солдатской поступью вошла в этот дом двадцать лет назад, и Вольф Карлович мгновенно капитулировал, с безропотной радостью отдал ей бразды правления своим невеликим хозяйством, чтобы с головой погрузиться в упоительный мир загадок человеческого тела.

Профессор Казанского университета в третьем поколении, Вольф Карлович Лейбе был практикующим хирургом. Практика его была обширна, люди дожидались очереди на операцию месяцами. Каждый раз, занося скальпель над мягким бледным телом пациента, он ощущал прохладный трепет в самой глубине живота: *имею ли право?* Нож касался кожи – и холодок превращался в тепло, разливался по членам: *не имею права не попытаться.* И пытался: вел мысленный диалог с кожными покровами, мышечными и соединительными тканями, через которые к цели, уважительно приветствовал внутренние органы, шептался с сосудами. Он *разговаривал* с телами больных посредством скальпеля. И тела отвечали ему. О своих *диалогах* никому не рассказывал – со стороны это могло показаться похожим на душевную болезнь.

И вторая тайна была у Вольфа Карловича: его донельзя, до зуда в кончиках пальцев, волновала тайна человеческого рождения.

Часть третья. ЖИТЬ. ЧЕТЫРЕ АНГЕЛА. (ЮЗУФ)

Мир был огромен и ярк. Он начинался у жемчужно-серого, причудливо изъеденного жучком деревянного порога избы, которую Юзуф и мать делили с доктором...

От лазарета по хорошо утоптанной тропе мир стелился дальше, в поселок...
Здесь мир Юзуфа заканчивался – ходить дальше, в тайгу, мать запрещала...

Другая граница мира была – Ангара...

Мир был так велик, что можно было запыхаться, пробежав от одной его границы к другой, так ярко, что Юзуфу иногда не хватало воздуха и он зажмурился, как от слепящего света.

Где-то далеко, за могучими спинами холмов, был еще мир: там жили мать и остальные поселковые до того, как приехать в Семрук. В Юлбаше, мать рассказывала, было не десять и не двадцать – целых сто! – домов, и каждый размером с лазарет. Представить себе этот гигантский поселок было трудно. Еще труднее, наверное, было там жить: выйдешь погулять, а потом – среди ста-то домов, отыщи-ка свой, попробуй! По улицам Юлбаша бродили странные и страшные, известные Юзуфу только по рассказам матери существа: раскатисто громыхая привязанными на шею жестяными колокольцами, степенно брели *коровы* (отдаленно напоминающие лосей, но с толстыми гнутыми рогами и длинными, похожими на плетку хвостами); шныряли вредные голосистые *козы* (размером с кабаргу, но мохнатые, рогами в спину упираются, бородой землю метут); скалили зубы из-под заборов злобные *собаки* (ручные волки, что лизут руку хозяину и рвут глотку чужаку). Каждый раз, слушая рассказы матери о родине, Юзуф холодел животом и испытывал огромное внутреннее облегчение, что она вовремя догадалась переехать из Юлбаша в мирный уютный Семрук!

Таинственный Ленинград, который Изабелла то и дело называла Петербургом, а Илья Петрович – Петроградом, был, по видимости, меньше Юлбаша – количеством домов в нем никто и никогда не восхищался. Зато были эти дома сплошь каменные. И не только дома: улицы, набережные, мосты – все в этом городе было из гранита и мрамора. Юзуф жалел бедных ленинградцев, вынужденных ютиться в холодных и сырых каменных жилищах. Он представлял себе, как продрогшие Изабелла и Константин Арнольдович, стуча зубами, слезают туманным ленинградским утром с каменных нар, прижимаются друг к другу и выходят из каменного барака на покрытый камнями берег узенькой речушки Нева (что была меньше Ангары, но больше Чишмэ); пытаясь согреться, они бредут по берегу меж кучно сгрудившихся мраморных *львов* (больших мохнатых рысей с пышными гривами), гранитных *сфинксов* (львов с человеческими головами) и бронзовых *памятников* (огромных кукол в человеческий рост, наподобие тех, что лепит иногда из глины Илья Петрович); мимо зеленого, как трава, и высокого, с могучую ель, барака *Эрмитажа*; мимо желтого барака *Адмиралтейства*, крыша которого украшена длинной и ровной, как молодая сосна, иглой с парусным корабликом на острие; мимо серого барака *Биржи* и толстых красных бревен-*ростр*, на вершине которых горит бледный, не дающий тепла огонь; тусклое солнце еле проглядывает сквозь облака, которые то и дело сыплют мелким косым дождем.

Счастье, что эти холодные и жуткие миры – Юлбаш, Ленинград – были далеко от Юзуфа. Они лежали примерно в тех же краях, где обитали шах-птица Семруг, коварные и прекрасные *пэри*, огнедышащие *аждаха* и прожорливая великанша *жалмавыз*...

ПРИМЕЧАНИЯ В ПОМОЩЬ ПЕРЕВОДЧИКУ:

Юлбаш - название поселка

Семрук - название поселения на реке Ангара

Словарь татарских слов и выражений

Абыстай – супруга духовного лица

Ага – почтительное обращение к старшему мужчине

Аждаха – дракон

Албасты – женский демонический персонаж в мифологии

Алла – Аллах

Алла сакласын! – Да защитит нас (меня) Всевышний!

Басу капка иясе – дух околицы

Бичура – домовый, низший дух

Дэв – злой дух, антропоморфный великан

Жалмавыз – мифологическая старуха-великанша, обжора и людоедка

Жаным (ласковое обращение) – душа моя

Жебегян тавык – мокрая курица

Зират иясе – дух кладбища

Иясе – домовый, дух

Калым – выкуп за невесту

Камча – кнут, плетка

Каплау – покрывало

Кашага – подзор по краю матицы в избе

Кереш – татарская национальная борьба

Киштэ – полка под потолком для складирования постельных принадлежностей

Кота – короткие домашние валенки

Кош-теле – мучная сладость

Кульмэк – платье, рубаха

Курбан (Курбан-байрам) – мусульманский праздник жертвоприношения

Кыз-куу («догони девушку») – конная игра

Кызылык – конская колбаса

Кюбелек (кличка коровы) – Бабочка

Лэгэн – таз

Лэукэ – полка в бане

Ляухэ («хранящая скрижаль») – настенный коврик с изречением из Корана

Михраб – молитвенная ниша в мечети

Ошкеруче – родовые жрецы, знахари, целители

Пэри – мифологический дух в образе девушки

Сандугач (кличка лошади) – Соловушка

Су-анасы – водяная

Субхан Алла! – Свят Аллах!

Сяке – большая лавка, широкие нары

Табан – стол, место приема пищи

Тастымал – длинное вышитое полотенце

Таш – камень, также могильный камень

Ташкиль – система надстрочных и подстрочных знаков в арабском письме

Туй – праздник, свадьба

Тур – почетный угол в избе

Тэнке – монета

Убырлы карчык – кровожадная демоническая старуха, ведьма, упыриха

Улым – сын мой, сыночек

Ураза (Ураза-байрам) – мусульманский праздник в честь окончания поста Ураза

Фэрэштэ – ангел
Фэхишэ – проститутка
Хазрэт (почтенный) – уважительное обращение к духовному лицу
Чаршау – занавеска
Чыба – верхняя демисезонная одежда, суконный чекмень
Чыбылдык – занавеска
Шурале – дух леса, леший
Эни – мама
Юха – мифологическая змея, принимающая облик красивой женщины

Аннотация

Гузель Яхина родилась и выросла в Казани, окончила факультет иностранных языков, учится на сценарном факультете Московской школы кино. Публиковалась в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Октябрь».

Роман «Зулейха открывает глаза» начинается зимой 1930 года в глухой татарской деревне. Крестьянку Зулейху вместе с сотнями других переселенцев отправляют в вагоне-теплушке по извечному каторжному маршруту в Сибирь.

Дремучие крестьяне и ленинградские интеллигенты, деклассированный элемент и уголовники, мусульмане и христиане, язычники и атеисты, русские, татары, немцы, чувашки – все встретятся на берегах Ангары, ежедневно отстаивая у тайги и безжалостного государства свое право на жизнь.

Всем раскулаченным и переселенным посвящается.

Произведение принесло автору первую премию «Большой книги» 2015 года.

Отрывок дается по изданию: Яхина, Гузель Шамилевна. "Зулейха открывает глаза". Роман. АСТ: Редакция Елены Шубиной; Москва; 2015. ISBN 978-5-17-090436-5